18+

Олег Руденко

Герои забытых сражений

Олег Руденко

Герои забытых сражений

«Издательские решения»

Руденко О.

Герои забытых сражений / О. Руденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961847-4

Эти истории расскажут Вам о простых и не очень людях. Истории простых и не очень людей, из-за которых менялся мир. О героях забытых сражений.

ISBN 978-5-44-961847-4

© Руденко О.
© Издательские решения

Содержание

Авангард 6
Стрелок 11
Последний выстрел 13
Колесница фараона 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Герои забытых сражений
Олег Руденко

© Олег Руденко, 2019
ISBN 978-5-4496-1847-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авангард

Мрак. Страх. Боль. Лучи солнца не пробиваются, и я ничего не вижу. Я открыл глаза, но не вижу света. А! Вот оно что. Открыв глаза, понимаю, что я в замкнутом пространстве. На мне лежит тело человека. Он мертвый, он лежит ко мне лицом. Я не слышу его дыхания, но я чувствую, как кровь из его груди течет по моему телу.

Неужели я жив?

Я чувствую боль, в левой руке… Пульсирующая боль! Кожа с мышцей на руке разорвана. Алебардщик все-таки дотянулся до меня оружием.

А ему повезло меньше. Ведь я успел проткнуть своим копьем, когда мы столкнулись друг с другом так, что остриё прошло насквозь, и я не успел вытащить копье, чтобы продолжить бой. Я стоял в авангарде. Меня буквально втоптали в землю свои же войска, а раненый мной алебардщик, упав на меня, остался умирать по воле своего командира.

Но я выжил. По воле судьбы, Бога, из-за молитв моей матери, которая ждет меня в городе Торжок. Но мне кажется, что это везение. Безусловно, везение.

Я так же очень плохо вижу, что происходит вокруг из-за алебардщика. А он крупный. Пудов наверно пять или даже семь.

Алая капля крови осторожно сползла по шлему алебардщика и остановилась напротив моего глаза в районе шеи. Я наблюдал за ней. Капля за каплей сгусток крови увеличился, я понял, что она упадет мне прямо на глаза, и я попытался, хоть как-то увернутся от неё, но ничего у меня не получилось. Огромная капля упала на мой левый глаз и растеклась по всему лицу.

Я до этого плохо видел происходящее, а теперь в конец потерял связь с миром. Мои глаза были залиты кровью. Я попытался подвигать руками. Результат меня не очень обрадовал.

Резкая боль!

Раненная рука начала ещё сильнее болеть и я почувствовал, что рана открылась и побежала моя теплая кровь, а на правой руке лежал ещё один погибший солдат и я не мог её достать, потому что моя рука за что-то зацепилась. Как все сложно…

Нужно ещё раз попробовать его толкнуть, приподнять, предпринять хоть что-то! Или я истеку кровью и просто погибну на этом поле сражения! Глупо умру! Где все наши? Чужие? Почему я не слышу голосов.

Нельзя сдаваться! Я знаю, нельзя! Я ещё жив, а поэтому надо бороться за свою жизнь! Умирать здесь нельзя. Нужно дойти до дома.

Я ещё раз попробую левой рукой отодвинуть его, хоть как-то… а-а-а!!! Не получается.

Чуть не потерял сознание. Крови явно стало меньше в моем изможенном организме. Попробую ещё раз… да! Он немного наклонился на правую сторону, и я живо левой ногой толкнул его!

Но его голова упала прямо мне на рану! Я закричал от непередаваемой боли. Его шлем буквально впился в мою рану. Я ударил по нему ногой и это сработало. Он отлетел примерно на два локтя от меня, и я немного отдышался.

Сразу же я протер глаза своей левой рукой. Крови на лице стало меньше. С помощью ноги, надавив ее на мертвого человека, вытащил свою правую руку, по не многу вытягивая из-под него, достал свой платок из кармана, достал так же кожаный сосуд с теплой водой и смочил платок этой водой. После хорошо протер свое лицо смоченным платком.

Наконец-то я увидел свет. О солнце! Как же я по тебе соскучился. Я сидел, опираясь на своего мертвого врага. Вокруг никого не было, даже мародеров. Все ушли, а мертвые остались. Я пока конечно, не в их числе, но составлю им достойную компанию, так что нужно найти хоть что-то, что остановит кровь.

Я осмотрел всех солдат поблизости. Мародеры все-таки хозяйничали тут. В карманах убитых я не нашёл ничего, даже сосуды с водой были сняты с воинов. Я, конечно, всегда понимал, что мертвым людям это не пригодится и в тяжелой ситуации (не той, что сейчас, хотя куда может быть тяжелее?) я сам бы это сделал бы, не задумываясь, но сейчас мне это не было необходимо.

Я снял с нескольких убитых рубахи и разорвал их на перевязку. Ткань всю хорошо просмотрел, чтобы не было на ней крови и земли. Не дай черт еще, какое-нить заражение получить.

Сделал жгут чуть выше ранения. Немного старания и я закончил с перевязкой. Рана не была обработана, и я хорошо понимал, что без помощи мне никак не обойтись.

Нужно выбираться с этого кладбища. Я немного ещё посидел на убитых телах, дав самому себе последнюю передышку, и постарался встать. У меня получилось это сделать! Все мышцы болели, а пульсирующая боль в руке усилилась. Немного прикусив губу, я сделал первый шаг.

Позже огляделся вокруг. Как я не видел никого вокруг до, так и после того, как я встал, собственно ничего не изменилось. Гробовой тишины не было, так как постоянно слышались крики ещё выживших людей, к которым скоро придет смерть в гости. Я взял сломанное копье, которое лежало прямо передо мной, чтобы использовать его как опору.

Ещё раз оглядевшись, я понял, куда мне идти. Проще сказать, что я пошёл на север. С севера я пришел со своими друзьями, а ухожу один. Дома ждут нас все. А тут заявляюсь я. Ха! Сын лесоруба выжил!

Но если прощё все объяснить, то я пошёл на север потому, что вдалеке видел наш уже заброшенный лагерь, который мы разбили, когда пришли на эти земли за битвой, кровью, плотью, криком…

Я смог пройти немного, прежде, чем мои ноги подвели меня. Сил все-таки было не много. В желудке хоть ничего и не было уже в течение двух дней, но я извергнул последнее наружу из-за невыносимого запаха.

Насчет запаха кстати: я любил купаться в своей маленькой речке. И поэтому с самого детства любил чистоту, притом, что зимой мы мылись в бане, построенной отцом.

Наш народ всегда славился чистотой своего тела и своего разума. Из нашей земли часто забирали молодых ребят в церковь, а там давали достойное образование. Даже писать и читать учили. Мы занимались земледелием, рыболовством и немного охотой. В общем, мирный народ.

Первый князь, звали его вроде Прохор, был человек жестокий и жадный для чужеземцев и жестокий и щедрый для своего народа. Люди, которые работали, получали достойное жалование. Дед мой получал пять серебренников, к примеру. В то время мой отец был молодым – ему не было столько лет, сколько мне. Но вот чужеземцев он не переносил: они устраивали постоянные набеги на мирные деревни, разоряли, грабили, насиловали, убивали. Поэтому и произошли тогда две войны с нашим княжеством. Одну отстояли, вторую тоже отстояли, но убили князя во второй войне.

После объявился второй князь: его наследник – брат. Звали его вроде Владимир. Хороший, добрый, щедрый князь, но очень мягкий в делах своих, правивший более мягко. Естественно заговорщиками вскоре он был убит, как «слабый князь в делах своих…». Бред…

А теперь последний и ныне живущий князь Мирослав. Интересный довольно-таки князь. Со своими принципами и условиями, твердая рука, воины и народ его любит, никого не обирает, не затевает войн. Только по приказу царя собирает ополчение, но сам не учувствует в битвах, только в обороне города, не более.

И последняя помощь в предстоящем сражении были мы. Четыреста душ, вооруженных топорами, мечами, копьями, без брони (хотя на некоторых были кольчуги) отправились для увеличения войска царя.

Царь собрал под знамена десять тысяч душ на войну с ханами юга, которые изрядно досадили ему. Проклятые арабы….

Вдруг я услышал плач, который усиливался с каждой секундой. Наверно человек проснулся и почувствовал ужасную боль. Я со всей возможной поспешностью двинулся в сторону плача. Я не видел кто это, но я двигался в правильном направлении, потому что плач становился громче с каждым пройденным шагом. Наконец я увидел этого человека, который рыдал, захлебываясь слезами. Это был один из наших. Меня опять стошнило.

Он сидел на земле, прислонившись к мертвому воину. Он был полного телосложения с грубыми чертами лица, забрызганный кровью. Одет был в тряпье. Правая рука его была искалечена множественными ранами, полученными в бою. Левой рукой он зажимал ранение., но это мало чем помогало. Ранение было смертельным, внутренности были наполовину снаружи, а другую половину как я видел он и держал. Но он пытался собрать левой рукой… попытаться засунуть назад. Он боролся за жизнь, и она явно не хотела отпускать и уже объявила ему приговор, и это был вопрос времени. Каждый раз, когда он шевелил рукой, боль усиливалась, и это было заметно по его крику.

У меня на глазах выступили слезы. Он заметил меня сразу. Я подошел к нему поближе. Он посмотрел на меня и сказал:

– Прошу… мил человек… убей меня! Я… я не могу испытывать такую боль…

– У меня нет оружия, чтобы это сделать, – пытаясь уйти от этого дела, сказал я. Как я был глуп! Я на поле боя и меня нет оружия!

– Об этом не беспокойся… не беспокойся! Возьмите этот меч! Он лежит рядом… рядом со мной. Он легкий, ты сможешь его поднять, и убить меня… прошу…

Я подошёл к нему поближе. Действительно, с левой его стороны лежал короткий клинок. С трудом опустившись, я взял этот клинок, и тут же выполнил волю этого человека, проткнув его сердце. Клинок остался в нем, и я не стал его доставать, потому что у меня не было ножен, а нести его в руке не представлялось возможным, хотя он мне бы пригодился, я был уверен в этом.

Я пошёл дальше. Слева и справа лежали бойцы, я шел по некой аллее. Мертвые люди будто нашёптывали мне: «Ты должен уходить отсюда. Покидай это место». Возможно, я просто сходил с ума.

Мне виделись разные видения: от всадников, до стариков, которые смотрели на меня. Наверно это были наши волхвы, не иначе. А кто такой всадник?

Я видел, как он спокойно на коне гулял по полю битвы, как будто что-то искал. Он, она или оно было в белом покрывале, с косой на плече, с которого падали капли зеленого цвета. Лица я не видел, даже когда существо поворачивался ко мне. И поворачивался не раз. Как будто чего-то ждал. Это не был обычный человек.

– Кто ты? – обратился я к нему.

Он слез с коня и подошёл ко мне. Я увидел его глаза. Они были не как у людей. Красные, огромные глаза смотрели на меня из-под капюшона. Он смотрел на меня, не отрываясь, не произносил ни слова.

Моё тело задрожало, а на шее выступил холодный пот. Я не знал что делать. Существо в капюшоне подошло ко мне поближе, и остановилась в двух шагах.

Наконец, я собрался духом и ещё раз повторил:

– КТО ТЫ?!

Наконец, он ответил мне:

– Кто я не важно, важно то, зачем я здесь.

– И зачем ты здесь? – спросил я его.

– За душами, Вань. – спокойно ответило существо.

– Откуда ты знаешь мое имя? – напугался я.

– Как же не знать сына лесоруба, отца которого убили три назад, – спокойно ответило существо. – А ты как я вижу – жив, да скоро умрешь. Пойдешь со мной…

– Отец мертв? Почему? А матушка? Матушка жива? А брат мой? – судорожно спрашивал я.

– Все уже умерли, и свечки их душ горят у меня дома.

– Я понял, кто ты! – закричал я и попытался отойти немного назад, но запнулся об мертвого человека, и упал на спину.

– Ох, что же вы меня так боитесь все, – спокойно сказало существо.

Тогда я понял, кто это предо мной встал. Эта была старуха смерть. Это не существо! Это старуха смерть!

– Отойди от меня со своей косой! – закричал я.

Она же подошла ко мне ближе и протянула руку мне со словами:

– Можно сейчас все твои мучения закончить. Прямо сейчас. Дотронься до меня и все будет кончено. Ты все равно умрешь.

– Все мы умираем! Но я умру не сейчас! – сказал я и отошел на пару шагов от неё.

Она же настойчиво держала руку и жестами как будто просила: «Возьми мою руку…».

Я точно знал, что я сейчас не умру. Я потерял много крови, но я был жив. Чувствовал себя, конечно, паршиво, но ничего поделать не мог – я потерял много крови. Но я был в сознании и на ногах. Я отвернулся от старухи и намеревался пойти от неё проч. Но она резко появилась передо мной.

– Почему ты хочешь мучиться? – спросила она меня. – Ты будешь страдать! Рука скоро начнет гнить, и в ней появятся черви, которые начнут пожирать тебя заживо!

– Пусть меня едят, – ответил я. – Я хочу побыть ещё на земле.

– Почему? – спросила смерть меня. – Ты же видишь, что тут? Ты даже не выберешься отсюда! С этого поля боя, которые кинули твои союзники! Ты знаешь что произошло, когда звук мечей прекратился?

– Мне уже без разницы, – ответил я ей, и попытался её обойти, но она загородила мне путь.

– Как же? – спросила меня она. – А суть тогда твоей войны? Суть жизни этих людей? Твоей?

– Дай мне пройти, старуха. Мы встретимся, даю тебе слово, но сейчас. – ответил я ей. – Понимаешь, теперь все не имеет смысла. Я хотел пойти домой, но теперь дома нет. Тебе я доверяю, о смерти ты напрасно не говоришь. Теперь я хочу просто побыть немного один. Хоть у тебя в избе и тихо, спокойно, но там я не увижу больше солнца, не увижу травы, не услышу пение птиц.

– Это верно, Вань, – ответила мне старуха. – А я и не могу тебя держать, пока ты жив, я тебя могу только уговаривать, пока что ты не в моей власти. Когда ты захочешь умереть, просто скажи мое имя, и я появлюсь и заберу тебя к себе домой. А пока – ступай!

Я поблагодарил старуху поклоном. Она исчезла и появилась там, где стоял конь и оплакивал своего хозяина, склонив голову над его бездыханным телом. Я слышал, как она что-то бормотала. Вредная старуха.

Я пошёл дальше. По узким тропам, переступая бездыханные тела, я двигался вперед. Я увидел мой лагерь. Там тоже лежали мертвые. Лагерь был или свернут или разграблен. Тяжело, но я дошёл до лагеря. Палаток не было, а только догорающие костры, да срубы деревьев.

Я пошёл дальше. Наконец-то трупы кончились. Дальше тоже было поле. Огромная долина, каких не много. Солнце сильно пекло, но ветер создавал прохладу.

Я осмотрелся. Дальше, примерно в несколько сажень было большое дерево. Мне нужно было немного отдохнуть, а ветерок и тень создадут нужные условия, да и вода хоть маленько остынет. Буквально недавно я её попробовал. Она практически была как кипяток.

Так же тяжело я дошёл до дерева. Буквально упал на землю и облокотился на этот дуб. Я снял головной убор и кинул его около себя. Потом посмотрел рану и увидел, что рана действительно была плоха. Ткань была пропитана моей кровью, и я нуждался в перевязке. С ремня я снял последние самодельные повязки и перевязал раны, чем осталось. Жгут пришлось снять, так как кончики пальцев немного посинели. Кровотечение тут же усилилось. Я попытался все зажать рукой. По руке потекла моя теплая кровь. Я держал руку, сил уже было не много.

Боль немного утихла, и я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо. Чистое, светлое небо. Дождя сегодня не будет, как мне кажется. Будет стоять теплая погода.

Я увидел облако, которое пролетало надо мной. Оно было похоже на ту старуху. Неужели все? Род мой закончен на мне, по чужой вине, по чужой воле, по чужому приказу. Как не странно мне захотелось узнать, кто же победил в этой бойне и я крикнул, что есть силы:

– Старуха-смерть! Где же ты?!

Старуха вышла из-за дерева. И положила косу на землю.

– Все-таки ты меня позвал, – улыбнулась она. – Ну что, готов?

– Не совсем, – сказал я ей. – Прошу, ответь на пару вопросов моих. Ты же выполняешь одну просьбу?

– Да, – ответила ему старуха. – Только, чтобы это не было связанно с жизнью твоей.

– Я понимаю, старуха, – сказал я ей. – Ответь на пару вопросов моих? Это моя просьба.

– Хорошо, Вань, – ответила она и села рядом с ним. – Задавай свои вопросы. Убери свою руку с раны.

Доверившись ей, я убрал свою руку. Кровотечение усилилось сильней. Она приложила свою руку, и раны моментально затянулись, но я не почувствовал облегчения.

– Я залечила и обработала твою рану так, чтобы ты не умер, пока я отвечаю на твои вопросы. – сказала она мне. – Не думай о том, что это тебя спасет. Своим предложением ко мне ты согласился уже на смерть.

– Я понимаю, – ответил я ей. – Первый мой вопрос: как умерли мои родители?

– У-ха! – захохотала старуха. – Все было для них очень быстро. Напали кочевники с востока, разграбили ваши избы. Отец твой защищал семью. Но он не воин, как и ты. Он пал в бою. Матушка твоя защищала брата твоего маленького, да тоже померла. А братика твоего схватили, да он убежать пытался. Его и повесили…

У меня на глазах выступили слезы, и я ещё раз посмотрел на небо. Посмотрев на небо ещё немного, я повернулся лицом к старухе и спросил:

– Кто победил в этой бойне?

– Никто, Вань, – ответила старуха. – Практически все погибли, князья все друг друга перебили, даже царь ваш пал в сражении и султан их,. Остатки ушли домой, как дезертиры, что ваши, что их. Вот так вот.

– Понятно, все значит это бессмысленно… – сказал я и кашлянул кровью.

– Это вопрос? – спросила меня старуха.

– Нет, – ответил я. – Это утверждение. Утверждение в ещё более большой бессмысленности.

– Последний вопрос? – спросила меня старуха.

– Последнего вопроса не будет! – заявил я.

– Значит все? – вскочила старуха и взяла свою косу.

– Конечно, старуха-смерть. Капай на меня свою каплю смерти, и пусти меня в свое вечное безмолвие…

Стрелок

Мое имя Абдуллах. Я стою в конце строя лучников нашего короля. Мы ждем команды от стрелка из авангарда, который даст сигнал начать обстрел руссов. Наши стрелы летели не так далеко, как хотелось, чтобы убить их. Стрелы перелетали нашу пехоту примерно на десять нейзе. Мы успеем сделать примерно пару выстрелов, и начнется бойня.

Как сказал Адиль, после того, как мы закончим стрелять, нам необходимо бежать на левый фланг, в лес. Там же, нужно пройти как можно дальше в тыл и в спину выстрелить врагу.

Спорить, конечно, с ним бесполезно. Мы его уверяли, что можем покалечить своих воинов, но он не слушал, и сказал: «Коссомак! Так сказал наш сеид!».

Мы уже приготовились к первому залпу. Стрелы были натянуты и мы ждали команды. Нас было восемь сотен лучников. С уже натянутыми тетивами, стояли мы и ждали приказа. Мы видели армию Руси, она была не меньше нашей. Но мы не видели в их армии лучников. Алебардщики стояли в первых рядах, и я завидовал им. Эти необычные копья и новые доспехи привезли прямо из Европы. Там и был мой знакомый Али. Я восхищался храбростью этого человека, и был рад, что он стоял в первых рядах.

Но огненной стрелы в воздухе не было. Армия врага приближалась. Наш сеид мешкал. Рука уже немного затекла. Я увидел, что руссы подобрались очень близко к нашим войскам. Но команды не следовало. Вдруг, как град на нас посыпались стрелы. Сеид тот час дал команду стрелять. Мы выстрелили, но уже не так хорошо, как хотелось. Многие падали замертво от града стрел, кто разбегались в панике. Стрелков с каждым залпом становилось все меньше. Но в этом был, хоть и не большой толк.

Одна из стрел, пролетела слева от моего лица и разорвала щеку. От резкой боли я упал, держась за раненное место. Не раздумывая, я встал и увидел, как наш командир скомандовал руками отступать. Все не раздумывая, кинулись бежать. Отступать нужно было в лес, следовать плану султана, но отряд не слушался и бежал врассыпную.

Несколько десятков человек остановились из этого огромного отряда перед сеидом, когда мы убежали из шквала. В их числе был и я.

– Воины Аллаха! – закричал сеид. – Вам необходимо продолжить выполнять свой план! Бегите в лес и расстреляйте руссов!!!

Адиль и все мы, которые остались, побежали в сторону леса, закрываясь тем, что попадало по дороге – щиты, куски оставшейся защитных сооружений. Я в руках держал кусок от щитка баллисты. И он меня выручил.

Наши воины падали от стрел, баллист и катапульт. В центре поля войска сошлись врукопашную. Я запнулся об мертвого солдата и напугался, потому что выронил свой щиток. Не мешкая, я схватил его, встал и продолжил бежать. Мой отряд было заметить легко: мы не носили на себе доспехов, как другие наши воины.

До леса оставалось не много, но как мне казалось на тот момент, мы потеряли уже половину отряда. Когда мы забежали в лес, там были руссы, с которыми мы принялись драться всеми возможными для нас методами! Их было меньше, чем нас, поэтому победа этого маленького сражения была явной. Сам я убил, по крайней мере, трех-четырех руссов. Мы сделали небольшую передышку. Мы радовались, что победили в этом маленьком сражении, но Адиль тут же успокоил нас.

– Адиль, что нам делать? – спросил один из воинов.

– Сейчас мы пройдем чуть дальше, а от туда расстреляем руссов. Как кончатся стрелы, достанем свои мечи и пустимся на них в атаку! – ответил ему Адиль.

Мы сняли с себя свои луки и достали по стреле из колчана, что находился на ремне слева. Не торопясь, немного вышли из леса и приготовились стрелять. Времени было не много, так как руссы увидели нас. Их капитан скомандовал тот час отправить часть левого фланга на нас. Наш командир немедля приказал стрелять.

Мы стреляли – враги падали, но они приближались. Я успел выпустить ещё две стрелы до того, как пришлось драться врукопашную. Нас было не много и силы были неравны. Несколько десятков, против сотни…

Мои друзья и знакомые… мои братья-воины падали от мечей и копий моего врага! Я дрался! Я слышал каждый крик умирающего брата! Через силу бился, в руках держа свой верный меч… на пути к поражению! Я дрался и ждал, когда же закончится это. Когда меня убьет стрела, копье, меч, топор…

Но я не умирал. В конце я остался один, окруженный руссами, которые не убивали меня и я склонил голову, надеясь на быструю казнь.

Линия боя переместилась не в нашу сторону. Я понял, что наша армия проигрывает, и я тут остался совершенно один.

Они смотрели на меня, но не убивали… почему? Я стоял на коленях, меч я воткнул возле себя, но правой рукой держал его. Я был весь в чужой крови. Шапка моя слетела. Волосы были пропитаны землей и кровью, мои руки были порезаны, а одежда моя разорвана.

Я услышал их говор. Я не различал, что они говорят, даже пару слов. Один из них подошел ко мне и что-то сказал. Я поднял голову и попытался им показать, что не понимаю их. Их воин ударил меня в ответ на мои знаки, но я не потерял сознание от удара.

Воины переглянулись, улыбнулись и начали бить меня ногам и руками. Я закрывался он них. Их было слишком много. Я чувствовал, как мои кости в груди сломались, а глаза налились кровью. Мне было больно, но я не издавал звука.

Они смеялись, радовались победе и наверно моей боли. Я открыл заплывшие глаза и увидел свой меч. Попробовал дотянуться до него – за это я получил удар с ноги по лицу. Моя шея чуть не сломалась от этого сильного удара.

Я попробовал дотянуться ещё раз, встав на колени, но получил удар по груди и упал на спину.

Они много говорили. Я их не понимал. Единственное, что понял: они пытались что-то сказать именно мне, но как мне что-нибудь можно было объяснить?

Двое подняли меня с земли, и я увидел свой меч. Несомненно, это мой меч! Форма и блеск, словно месяц луны! Он звал меня! Я слышал голоса. Они были повсюду! Меч звал меня, просил прекратить это осквернение!

Я схватил этот меч и прямым ударом вонзился в одного из воинов. Другие с яростным криком начали колоть меня. Я чувствовал, как холодное копье впивается в меня, словно лев, впивается в добычу, и топоры, которые ломали мне кости, словно рубили дерево.

Я умирал. В одиночестве. Среди врагов, но без страха…

Последний выстрел

Я так и не смог привыкнуть к грохоту двенадцатифунтового орудия. Каждый выстрел, который издавала пушка, пронзала мое тело насквозь, и я замирал на некоторое время, мое сердце будто останавливалось, и я умирал в своем сознании, но через пару мгновений снова оживал и тащил новый снаряд для следующей артподготовки.

Я начал служить ещё мальчишкой (мне не было и четырнадцати). Был 1699 год. По приказу нашего царя-батюшки! Хотя? Кого я обманываю!

Когда мы собрались всей деревней около дома помещика, наш священнослужитель Нестер зачитал приказ, в котором говорилось в воинской повинности перед государем. Вначале были приглашены добровольно, следом принудительно. Так я и попал – второй волной сбора, так как был из семьи холопов.

Нас отправили в лагерь под Ясенькой – небольшой деревней близ Петрограда. Как только приехали у нас спросили наши имена и фамилии. Большой гурьбой расположили в казармах, места было очень мало, ясам спал на полу, не разрешили даже сено подстелить.

Утром нас разбудили общим подъемом и отправили на площадку (после я узнал, что это называется «плац») и нас построили в несколько рядов. На улице было жарко, стоял июль, и температура была выше тридцати градусов. Все вокруг потели и неприятно пахли, так как нам даже не дали сходить на реку, которая была неподалеку.

Из рядом расположенных казарм вышли шесть человек и построились в ряд на определенные расстояния. После они начали называть каждый фамилии. И тут началась суматоха. Каждый, кто слышал свою фамилию, и имя подходили к нему, он вручал ему листок и показывал куда идти.

Я получил листок и отправился в пятую казарму. Там нас было не много, и я понял, что попал не в пехоту. Я боялся, что попаду на борт корабля. Ведь я не умел плавать! Ещё в детстве я упал в прорубь, но чудом меня вытащил от туда отец и с тех пор я боялся воды. Но после инструктажа нашего старосты я понял, что попал в артиллерию.

Нас обучали ровно два года. Меня долго кидали из стороны в сторону. Вначале я был «подносчиком», после меня повысили до «заряжающего», потом до «наводчика». Но уметь точно стрелять оказалось не по мне, и меня обратно перевели в «заряжающего». Я отправлял по ходу службы весточки своим родителям. Немного рассказывал как тут. Писать меня научил дьяк, как и моих родителей. Но от них я ответа не получал.

Тут было в целом хорошо. Кормили исправно, как в деревне я работал помимо службы – косил траву, убирался в казармах, чистил ботинки офицерам.

Год 1702. Меня отправляют далеко на север. В последней весточке, я пишу, матери и отцу о том, где я буду служить, куда они могут писать письма. За два года я не получил от них письма, но высылал исправно им деньги. Хоть у меня была сестренка и маленький брат, но я был уверен, что мои деньги помогут им хоть немного.

Наш царь Петр воевал со шведами и ему нужны были новобранцы. По дороге туда я слышал от людей о том, что артиллерия живет там день-два, что я буду благодарить Бога, если останусь жив и цел в костях.

Мы прибыли туда 26 сентября 1702 года. Нам дали команду расположить орудия на холме, напротив форта и готовиться к артподготовке. Когда мы поставили орудия, нам немедля сообщили выдвигаться в казармы до дальнейших указаний, но при этом оставили подносчика Тихона из нашей батареи охранять орудия.

В нашем районе боевые действия должным образом не велись. Бой был на море. Как нам сообщили, что более пятидесяти кораблей флота Петра выдвинулись против флота Шведов и если они оттеснят врага, то наша задача разбить правую часть форта, которая находи-

лась возле мелководья и отчаянно охранялась шведами. Наши офицеры отправили нас назад к пушкам и велели ждать. Тихон, уставший с дороги, крепко спал возле двенадцатифунтового орудия.

Я сел рядом с ним, но так и не смог уснуть до глубокой ночи и заснул только под утро. Утром меня разбудил офицер пинком по сапогу, я резко встал и выпрямился.

– Так, перекатить пушку на галеру, – сказал он мне.

– Так точно! – ответил я ему.

Я разбудил Тихона и Ваньку. Втроем мы быстро зацепили к повозке со снабжением нашу пушку, и повели лошадь к галере, на которую указал наш офицер Аркадий Иванович. Вода… я иду к воде. От одной мысли мне становилась не по себе, но я знал, что галера довольно устойчива и поэтому немного успокоился.

Там нас ждали матросы, которые помогли нам загрузить и закрепить орудие на галере. Я был очень расстроен тем, что мы будем вести обстрел из галеры. Я с детства боялся воды и не умел плавать и данная ситуация не очень меня радовала.

Через пару мгновений пришёл наш офицер, немного разраженный. Он подошёл к капитану корабля и что-то сказал ему. Капитан кивнул и пошёл в свою каюту. Через некоторое время пушек становилось все больше и больше. Был промозглый ветер, корабль сильно качало, и я даже не представлял, как Ванька будет целиться с корабля. На галере я насчитал восемь двенадцатифунтовых орудий нашего расчета.

Немного погодя вышел наш офицер и дал нам команду готовиться к артподготовке. Мы зарядили орудия. Тихон поднес ядра, сложив их пирамидкой. Я зарядил пушку на первый залп и посмотрел на форт. Форт был огромен. Впереди галеры и один двухмачтовый корабль защищали нас от прямых атак форта, производя выстрелы картечью и ядрами и не давая прицеливаться шведу.

Мы отплыли и двинулись к левой стороне форта. Как пояснил нам офицер, отправленные галеры не вернулись, так что нам следует стрелять точнее. Нужно было разбить открытую стену форта на пляже, чтобы наша пехота зашла в форт. Все зависело от нас. Хороший залп двенадцатифунтовым орудием и все кончено.

Мы обогнули форт под шквалом огней. Наша бригада спряталась за пушкой. Все ждали команды. Матросы гибли, исполняя приказы капитана, а мы ждали. Мы просто ждали. Ядра, которые летели с форта, сильно повредили правый борт корабля, матросы не успевали подкладывать доски, а в трюме пошла течь. Наш офицер приказал нам бежать вычерпывать воду, так как галера шла ко дну.

Втроем мы забежали в трюм под шквал огней и разлетающихся щепок под ногами. Матросы уже работали. Нам дали ведра, доски и Молоток. Щели, как могли, забили, а воду отчерпали не скоро. Матросы дико кричали на нас за нашу не расторопность и незнание терминов. В процессе работы забежал один из матросов и объявил о начале артиллерийского обстрела по форту. Мы бросили инструменты и побежали наверх.

К нашему несчастью наш командир лежал на палубе, убитый. Его лицо было изуродовано, а одежда изорвана. Мы не знали что делать. Без офицера мы были беспомощны, но попробовали действовать наобум. Мы подбежали к орудию и приготовились к обстрелу. Вдруг подбежал один из матросов и закричал:

– Ваш офицер погиб! Я – один из канониров на этой посудине! Капитан приказал заметить павшего офицера!

Мы без лишних вопросов согласились, так как знали, что канонир прекрасно заменит нам нашего офицера. Мы направили по градусной шкале орудие, как велел канонир, и ждали общей команды, как нас учили в лагере под Ясенькой.

Командир нашей четвертой артиллерийской батареи майор Гершов Антон Антонович, которая находилась на галере, дал команду «огонь!». Его громкий голос разрезал этот шум.

Первое ядро нашего орудия полетело в сторону форта. Форт получил значительные повреждения от залпа, но стена не рухнула, требовался ещё залп. Тихон незамедлительно взял ядро с «пирамидки», которая чудесным образом не разрушилась из-за такой тряски, а я набил пушку порохом, взял ядро у Тихона и внес его в дуло.

По нам выстрелили залпом из форта. Ядра сильно повредили мачту судна, и мы легли в дрейф. Как мишень мы находились на озере. А сильный ветер, который поднялся не помогал нам.

Майор Гершов дал команду стрелять в нижнюю часть форта. Наш сменный командир велел поменять угол и сдвинуть дуло пушки немного ниже. Прозвучала вторая команда «огонь» и галеру скрыло дымом от орудий. Немного наклонившись на левый борт, чуть погодя она выровнялась. Наша пушка поехала назад и мы с Тихоном и Ванькой еле-еле удержали её на месте. Как ни странно помог ещё и канонир.

Я посмотрел на форт. Залп был ужасный. Весь пляж рядом с фортом был изрезан и разорван нашими ядрами, а сам форт не задет.

– Перед залпом волна наклонила посудину на правый борт! – пояснил канонир. – Нужен ещё один залп.

Такого же мнения придерживался наш майор. Он скомандовал немедля заряжать пушки и произвести залп. По нам форт мог выстрелить в любой момент!

Тихон уже поднес ядро, а я наполнил пушку порохом. Потом так же взял ядро и внес его в дуло. Канонир посмотрел на майора. Мы ждали команды. Майор поднял руку, но чего-то ждал. Вдруг волна второй раз тряхнула судно. Все упали, кроме капитана, который держал штурвал.

– Подъем! – закричал майор. – Подъем!

Мы резко встали, и наш майор закричал что есть силы:

– ОГОНЬ!

Как только вымолвил он, наши орудия выстрелили, но и выстрелили в нас с форта. Левая часть форта полностью рассыпалась от нашего залпа, но я этого уже не видел. Наша галера рассыпалась от точного залпа форта. Щепки разлетались, а команда выпрыгивала из судна. Капитан дал команду «покинуть корабль», но матросы это поняли и без его слов. Они выпрыгивали из корабля, выпрыгнул Тихон и Ванька. А я не смог. Бомба разорвалась возле меня и канонира и накрыла нас обоих. Он лежал весь израненный и не дышал. Его глаза уже видели смерть, а я с оторванной ногой лежал на палубе.

Корабль шел ко дну, и я видел ясное небо! Ясное небо, будто для меня! Тучи разошлись и светило солнце. Я выполнил свою задачу, как и моя бригада, ценой жизни стольких людей. Галера очень быстро пошла ко дну, а вода коснулась моего тела. Мне было очень приятно чувствовать эту воду. Она как будто, пронизывала мое тело, и мне становилось холодно.

Я любил холод. Вспомнил первый снег у меня в губернии. Как мы готовились с моими родителями, сестрой к зиме. Как весело проходила зима.

Мое тело погрузилось в воду, и я зачал захлебываться. Вскоре меня полностью скрыла вода, и я видел, как болтыхаются живые люди. Я не мог остановить неизбежное, свою смерть, потому что был сильно ранен, и я не умел плавать… я не умел плавать…

Колесница фараона

Сегодня стояла дикая жара. Шли годы правления фараона Псамметиха III, и он к нашему счастью и радости сопровождал нас в этом походе. Посягательства Персии на земли фараона не могли остаться безнаказанными, и наш сын Ра принял решение дать отпор войскам Персии.

Собрав несметное войско из египетских и наемных греческих солдат, мы выдвинулись к крепости Пелузии, близ пелузийского рукава Нила. Мое имя Киа и я один из двух генералов нашего фараона Псамметиха III. Я руководил колесницами фараона и вел войну на флангах, как меня учили мои учителя, а моих учителей другие учителя.

Мы обосновались возле крепости и ждали врага. Камбиза II, этот наглый и хитрый военачальник появился со своим войском утром, когда наш бог Ра освятил это место и дал нам надежду на добрый исход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.